

род» сравнивал с «диким зверем на цепи» (293) и идеализировал пастораль усадебной жизни.

Амбивалентная культура русского дворянства позволила адаптироваться и немцу, и лютеранину, и безземельному баснописцу. Углубляющийся во времена екатерининского правления внутренний разлом обнаружится лишь в первой половине XIX в. и станет драмой идейной поляризации высшего сословия. Пока же скрытая конфликтность его исторического развития проступала в обстоятельствах жизни отдельных людей. Судьба Хемницера оказалась одной из тех судеб, которые попали в водоворот невидимых, но мощных подводных течений духовной эволюции сословия, достигшего апогея своего стремительно завершающегося «золотого века».

Культура российского дворянства возникла по приказу царской власти, была сосредоточена при дворе и призвана воспевать успехи победоносной империи. Однако военные триумфы оказались для монархии делом более легким, чем сохранение роли интеллектуального лидера. Престолу становилось все труднее удерживать под контролем усложняющуюся интеллектуальную жизнь дворянства. Просвещенная элита постепенно освобождалась от давления официозной доктрины. Происходила девальвация общепризнанных ценностей, пересматривалось содержание социального престижа, сводимого к чинам и высочайшей милости. Эмансипация культуры, не замыкающейся на отрицании, выразилась и в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата и светской массы. Наиболее образованная часть дворянства отшатнулась от верховной власти и попыталась осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия государственных ценностей.

Дворянин, который «потерял силу и охоту достигать лавры», «истинное счастье сыскивал в уединении, в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы», «в самом приватном обществе», в поэтических упражнениях, поиске «истинного масонства» и заведении школ для бедных, и т. д. Хемницер, с его нежеланием и неумением «развозить поклоны» и любовью к изящной словесности, также искал свою нишу. Однако в силу известных обстоятельств он потерял и то, что имел, лишившись дружеского общения, которое давало ему импульс и для жизни, и для творчества. Он самоотверженно работал на будущее, переступал что-то в себе, терпел, надеялся, но, не рассчитав своих эмоциональных и физических ресурсов, сгинул в далекой Смирне, оставив в письмах легкую горчинку скрываемого страдания.